

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
СИНГАПУРА в 2007 - 2008 гг.**

В сфере внешней политики для Сингапура и его премьера Ли Сянь Лунга 2007 г. был годом большого успеха. 2 августа Сингапур стал председателем постоянного комитета Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, а 20 ноября здесь под девизом «Единая АСЕАН в центре динамичной Азии» открылся очередной, 13 саммит глав государств и правительств асеановской «десятки», посвященный 40-летию этой влиятельной региональной группировки.

Вслед за саммитом собственно АСЕАН здесь прошли встречи на высшем уровне АСЕАН–Китай, АСЕАН–Япония, АСЕАН–Южная Корея, АСЕАН–Индия и 3-й саммит Восточноазиатского сообщества (ВАС), на котором кроме вышеуказанных партнеров АСЕАН присутствовали лидеры Австралии и Новой Зеландии. 22 ноября в Сингапуре прошел еще один юбилейный саммит АСЕАН–ЕС, приуроченный к 30-летию установления торгово-экономических отношений между двумя международными организациями.

За 40 лет своего существования АСЕАН, при всем разнообразии оценок ее деятельности от самой успешной до малоэффективной, аморфной организации, объективно превратилась в одну из наиболее динамично развивающихся региональных группировок, важный субъект международных политических и экономических отношений, к мнению которой прислушиваются не только в Азии, но и во всем мире. Целью АСЕАН остается содействие экономическому, социальному и культурному развитию стран региона, а также поддержание в нем мира и стабильности. И Сингапур, являющийся одним из основателей АСЕАН, вносит заметный вклад в ее развитие и решение поставленных задач.

В отличие от первого десятилетия организационного оформления АСЕАН, когда сингапурское руководство придерживалось мнения, что связи между слаборазвитыми и полити-

чески нестабильными государствами не могут обеспечить быстрый рост и прогресс, а потому более ориентировалось на вне-региональное, чем на региональное сотрудничество, с середины 1970-х годов деятельность в этой организации становится одним из приоритетных направлений внешней политики города-государства.

Сингапур выстраивал свою внешнюю политику в регионе с учетом того очевидного факта, что на фоне глобализации параллельно усиливался процесс становления «нового регионализма»¹, формирования и умножения социально-экономических, политических союзов и коалиций в Европе, Северной и Латинской Америке, которые приобретали все большее значение в мировой экономике. С точки зрения сингапурских лидеров, в этом контексте акцент должен быть сделан на усиление «азиатского регионализма», и, прежде всего на сплочении самой АСЕАН, учитывая те вызовы, которые несет с собой глобализация, а главное нарастающее влияние Китая и Индии, присутствие которых неизбежно изменит региональную конфигурацию и создаст новые центры силы в Азии².

АСЕАН сегодня, с ее 550-миллионным населением – это третья экономика в Азии после Японии и Китая, богатые природные ресурсы: нефть, газ, олово, никель, медь и т.д. Страны, состоящие в АСЕАН – крупные экспортеры минерального и сельскохозяйственного сырья, а в последнее время и ряда промышленных изделий. Правящие элиты стран Ассоциации проводят достаточно либеральную экономическую политику, а важная часть их предпринимательских слоев – местная китайская буржуазия – уже давно тяготеет к расширению наднациональных связей и активно включилась в их развитие в рамках собственной зоны свободной торговли (АФТА) и с другими ведущими экономиками мира. Объединив в 1999 г. все 10 стран ЮВА, независимо от уровня их экономического развития и политической зрелости, АСЕАН сыграла огромную роль в установлении мира и стабильности в недавнем прошлом одном из самых конфликтных регионов мира и вышла за границы Юго-Восточной Азии: Ассоциация инициировала создание или стала главным участником таких объединений как АСЕАН+3 (АСЕАН+Китай, Япония и Ю.Корея), АСЕАН+6 (АСЕАН+3, а

также Индия, Австралия и Новая Зеландия), Восточноазиатский саммит, Восточноазиатский-Латиноамериканский форум, АСЕАН–Европа, в рамках которых осуществляется сотрудничество в области политики, экономики, безопасности, в социально-культурной сфере³.

Что касается положения самого Сингапура внутри АСЕАН, то он пока единственный среди ее членов достиг статуса развитого государства, однако продолжает считать себя органичной частью Юго-Восточной Азии, которая является по существу средой «третьего мира». Это предоставляет возможность ему и всем асеановским государствам вместе отстаивать собственные интересы на мировых рынках вообще и в торгово-экономических отношениях с ведущими партнерами из числа промышленно-развитых стран, в частности.

Как страна с самой глобализированной экономикой Сингапур является своего рода экономическим мостом, соединяющим АСЕАН с остальным миром. Используя свой экономический потенциал и широкую включенность в международные отношения и мирохозяйственные связи Сингапур немало способствует трансформации АСЕАН в монолитную, сильную и конкурентоспособную организацию. Он стал генератором ряда инициатив важных для ускорения интеграционных процессов внутри самой Ассоциации и укрепления ее позиций и авторитета на международной арене. В частности, ему (совместно с Таиландом) принадлежала идея создания зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА). Сингапур инициировал создание форумов АСЕАН-ЕС, Восточноазиатского-Латиноамериканского сотрудничества, диалогового механизма АСЕАН-Ближний Восток. Сингапур являлся разработчиком концепции Экономического сообщества АСЕАН, иначе говоря, создания в ЮВА к 2015 г. общего рынка со свободным перемещением капиталов, товаров, услуг и рабочей силы, его представители сыграли большую роль в выработке компромиссных решений при подготовке окончательного варианта нового Устава АСЕАН.

Подписание Устава, которое состоялось 20 ноября 2007 г., стало главным событием сингапурского саммита. Этот, по словам Ли Сянь Лунга, «поистине исторический акт», заложил правовую основу Ассоциации, созданной декларативным путем

в августе 1967 г. и повысил ее международный статус. Первый за 40 лет существования АСЕАН Основной закон, положения которого должны стать обязательными для исполнения всеми членами Ассоциации, направлен на перевод асеановского и межрегионального сотрудничества на новую ступень развития. Стратегической целью провозглашалось создание к 2015 г. Сообщества АСЕАН, основой которого должны стать общий рынок, коллективная система безопасности и социально-культурного сотрудничества. Как сказал глава МИД Сингапура Джордж Ео, для АСЕАН – это «важный шаг вперед на пути к созданию полноправного сообщества 10 стран, объединенных единым экономическим, социальным и культурным пространством и своей приверженностью идеалам демократии, защиты прав и свобод человека»⁴. Осуществление поставленных задач и целей, действительно, может стать залогом успешного позиционирования группировки в качестве основополагающего элемента международных отношений и системы безопасности как в ЮВА, так и в АТР в целом. К тому есть ряд предпосылок. АСЕАН уже является центральным звеном многосторонних группировок. Кроме того, ее географическое положение, опыт сотрудничества и решения конфликтов на консенсусной основе, позволяют ей выступить в качестве нейтральной силы, способной обеспечить условия для мирного взаимодействия интересов различных государств, вступающих в борьбу за влияние, за доступ к рынкам и ресурсам стран ЮВА. И не только Китая и Индии, которые стремятся усилить здесь свое экономическое и политическое влияние. Россия расширяет свое присутствие на рынке оружия, став его поставщиком в ЮВА, и начинает уделять все больше внимания развитию сотрудничества с АСЕАН в различных сферах деятельности. Япония пересматривает свою глобальную и региональную роль в сторону ее дальнейшей активизации. Однако на этом пути членам группировки предстоит преодолеть множество трудностей и препятствий, прежде всего внутри самой Ассоциации.

Страны «асеановской десятки» характеризуются значительными расхождениями в уровне экономического развития, политическим и социо-культурным разнообразием.

В осуществлении амбициозной задачи создания Экономического сообщества к 2015 г., как конечной цели экономической интеграции, им придется преодолеть существующие разногласия и проявления национализма, которые пока преобладают над интересами общего бизнеса. Несмотря на то, что АСЕАН была объявлена зоной свободной торговли, многие ее члены продолжали придерживаться практики протекционизма с использованием нетарифных барьеров. В результате внутри-асеановская торговля в 2007 г. составляла не более четверти объема внешнеторгового оборота «десятки»⁵.

Но на сегодняшний день, по мнению сингапурских лидеров, приоритетное внимание, и это было подчеркнуто в экономической программе АСЕАН, принятой на саммите одновременно с Уставом АСЕАН, должно уделяться сокращению неравенства в уровнях экономического развития между «ветеранами» и «новыми» членами Ассоциации – тремя странами Восточного Индокитая и Мьянмой. Доход на душу населения в асеановской «шестерке» почти в пять раз превышал аналогичный показатель в этих странах⁶, что снижало позиции группировки в целом в конкурентной борьбе с новыми региональными игроками, в первую очередь с Китаем и Индией. Проблема заключалась в том, что внимание многих иностранных инвесторов прежде всего было направлено на этих двух «азиатских гигантов». АСЕАН рассматривалась ими как 10 изолированных экономик, часть которых слишком незначительна, чтобы обеспечить широкий приток иностранного капитала.

В общемировом инвестиционном потоке доля прямых иностранных инвестиций в регион упала с 7,7% в 1992-1997 гг. до 2,9% за период с 1999 г. по 2005 г., лишь немного обогнав по этим показателям Африку, на которую приходилось 2,5% зарубежного капитала⁷. Учитывая реальную ситуацию, когда наступила острая необходимость в упрочении позиций Ассоциации, правительство Сингапура предложило действовать в формате «АСЕАН минус X», дабы минимизировать влияние слаборазвитых стран на ускорение создания единого рынка. На практике это означало, что лидерами в определении темпов интеграционных процессов должны стать передовые страны Ассоциации путем создания подгруппы, к которой постепенно, по

мере завершения модернизационного этапа, будут присоединяться остальные страны-члены АСЕАН⁸.

Наряду с этим Сингапур выступил активным сторонником и участником в осуществлении широкого спектра программ в рамках Инициативы интеграции АСЕАН, направленной на содействие устойчивому развитию экономик наименее развитых стран: оказание помощи в создании производственной сферы, современной инфраструктуры, реформировании аграрного сектора, модернизации системы образования, медицинского обслуживания, социального обеспечения, в решении экологических проблем⁹.

Сложности на пути асеановской консолидации создает периодически возникающая напряженность между участниками Ассоциации, например, в треугольнике «Сингапур–Малайзия–Индонезия», который называют стратегической основой АСЕАН.

Негативную реакцию со стороны Индонезии вызвала и вызывает активная деятельность сингапурского руководства по расширению границ города-государства за счет освоения морских мелководий и прибрежных болот. Индонезия еще в 2003 г. ввела запрет на экспорт в Сингапур морского песка, который используется для создания новых участков суши. 6 февраля 2007 г. последовало эмбарго на продажу песка, нарытого в карьерах на островах индонезийского архипелага Риау. Вслед за этим индонезийские патрульные катера задержали 20 сингапурских барж, перевозивших гранитную крошку за якобы контрабанду скрытого под ней песка. Как писала сингапурская «Стрейтс Таймс», даже индонезийские эксперты вынуждены были признать отсутствие на судах контрабандного товара¹⁰.

Официальные власти в Индонезии заявляли, что эти меры принимались в целях защиты окружающей среды и предотвращения нелегального вывоза строительного сырья. Министр по делам морского судоходства и рыболовства высказался более откровенно, заявив, что прекращение поставок строительного песка в Сингапур вызвано желанием превратить его продажу в доходную статью экспорта, а не терпеть убытки из-за его низкой цены. «В конце концов, – сказал он, – Сингапур весь построен на индонезийском песке». Более того, подчеркнул ми-

нистр, переговоры с Сингапуром об отмене эмбарго могут начаться лишь после того, как будет решена проблема делимитации границ между Индонезией и Сингапуром»¹¹. В Джакарте посчитали, что в результате увеличения территории города-государства границы его 12-мильной экономической зоны могут сместиться в сторону Индонезии. В действительности это невозможно, поскольку пределы этой зоны устанавливаются международным морским правом. Сингапурское руководство, со своей стороны, расценивало действия Индонезии как меры давления на него в разработке Договора об экстрадиции, предусматривавшего выдачу обеими сторонами лиц, совершивших преступления. Джакарта обвиняла Сингапур в нежелании экстрадировать индонезийских банкиров, которые нашли там убежище для себя и своих миллиардов, похищенных из государственной казны во время азиатского кризиса 1997-1998 гг.¹². Сингапурское руководство, в свою очередь, увязывало исполнение условий этого договора с принятием двустороннего соглашения об обороне и территориях, предназначенных для проведения военных учений. Проблема заключалась в том, что 27 апреля 2007 г. на о. Бали в присутствии глав обоих государств министры обороны подписали эти документы в формате пакетного соглашения. Индонезийский парламент, однако, отказался ратифицировать соглашение об обороне, которое будто бы не отвечало интересам Индонезии и отнюдь не гарантировало репатриацию Сингапуром индонезийских коррупционеров. Но главное, с точки зрения парламентариев, присутствие на территории страны иностранных военных подразделений угрожало ее суверенитету. Во внимание при этом не принимался тот очевидный факт, что двусторонние соглашения заключаются на принципах взаимодействия и взаимообмена. «Несмотря на то, что мы тоже можем использовать сингапурскую территорию – это нечестная сделка, – аргументировали свою позицию индонезийские законодатели. – Наши полигоны, предоставляемые для военных учений, значительно больше»¹³. Очевидно, выражая мнение той части индонезийского руководства, которая занимала более взвешенную и дальновидную позицию в решении этой проблемы, министр обороны Индонезии Ювоно Сударсоно, пытаясь убедить несговорчивых парла-

ментариев, неоднократно заявлял, что власть строго контролирует границы участков, отведенных под полигоны и действия сингапурских военных. Более того, подчеркнул министр, «... в этом глобализирующемся мире не может быть абсолютного суверенитета. Мы должны сотрудничать с Сингапуром. Мы должны использовать его ресурсы и умение быстро реагировать в чрезвычайных ситуациях, чтобы наши вооруженные силы могли взаимодействовать на море, суше и в воздухе. Мы должны быть готовы ответить на вызовы со стороны больших стран»¹⁴.

О том, что высшие руководители Индонезии понимали важность развития сотрудничества в оборонной сфере свидетельствовал тот факт, что позиция парламента не помешала проведению на ее полигонах совместно с подразделениями сингапурских вооруженных сил очередных ежегодных военных учений¹⁵.

Вместе с тем, чрезвычайная заинтересованность Сингапура, лишенного возможности проводить полноценную подготовку своей армии на собственной территории в силу ее ограниченности пределами города-государства, во многом объясняла неуступчивость его руководителей, настаивавших на принятии всего пакета договоренностей.

Проблемой в двусторонних отношениях стала деятельность крупнейшего сингапурского холдинга Темасек на индонезийском рынке сотовой связи. 23 мая 2007 г. индонезийские власти начали предварительное расследование по обвинению холдинга в установлении фиксированных цен на свой продукт, в перекрестном владении и злоупотреблении своим доминирующим положением на телекоммуникационном рынке¹⁶.

Многие аналитики, в том числе и индонезийские, склонны были видеть в действиях властей ответ на требования националистических лоббистов существенно ограничить иностранное присутствие в крупнейших индонезийских компаниях сотовой связи Телкомсел (Telkomsel) и Индосат (Indosat), которые входили в сектор экономики, имеющий стратегическое значение и в которых на долю Темасек приходилось соответственно 35% и 41,9% акционерного капитала. С точки зрения индонезийской стороны это, нарушало антимонопольное законодательство

страны, согласно которому ни один инвестор не может иметь основной пакет акций в нескольких компаниях, занимающихся одним и тем же бизнесом, что ведет к подавлению конкуренции¹⁷. Если учесть, что мажоритарным собственником Телкомсел и держателем акций в Индосат, как утверждали сингапурские СМИ, являлось государство, то его присутствие и контроль делали подавление конкуренции, в чем обвиняли Темасек, весьма затруднительным¹⁸. Иначе говоря, проблема, очевидно, состояла не только в действительных или мнимых нарушениях холдингом местного законодательства, сколько в стремлении других заинтересованных групп как индонезийских, так и иностранных, в том числе и российского конгломерата Альфа групп¹⁹, вытеснить Темасек с быстро развивающегося рынка сотовой связи. Более того, в удалении сильного конкурента могли быть заинтересованы определенные государственные структуры. Это подтверждалось планами создания собственного национального холдинга на базе 130 государственных предприятий²⁰. Стоит отметить, что за образец предполагалось взять Темасек, как пример успешного управления государственными стратегическими ресурсами. В сентябре 2008 г. уже Верховный суд Индонезии признал деятельность холдинга не соответствующей антимонопольному законодательству страны и отказал Темасек в рассмотрении его апелляции²¹.

В Сингапуре считали, что напряженность в отношениях двух государств, которая не приносила пользы ни одной из сторон, являлась отражением внутривнутриполитических процессов в самой Индонезии. По мнению министра наставника Ли Куан Ю, противодействие индонезийского парламента ратификации Соглашения об обороне было обусловлено желанием законодателей в преддверии президентских выборов 2009 г. ослабить позиции нынешнего главы государства С.Б. Юдойоно. По их мнению, он пошел на подписание этого «нечестного соглашения», будучи заинтересованным в Договоре об экстрадиции, который являлся ключевым пунктом его программы по борьбе с коррупцией. Подвижки в решении этой проблемы могли бы повысить его популярность в борьбе за президентский пост в 2009 г.²².

Эти заявления сингапурского лидера, сделанные им во время шестидневного визита в Джакарту в конце июля 2007 г. вызвали в его адрес шквал критики со стороны местных СМИ, обвинивших Ли Куан Ю в желании вбить клин между представителями власти с целью добиться принятия парламентом Договора об обороне²³. Как утверждала сингапурская «Стрейтс Таймс», министр обороны Индонезии Ювоно Сударсоно поддержал выводы Ли Куан Ю, заявив, что также считает политическую подоплеку главной причиной проблем, периодически возникающих в отношениях между Сингапуром и Индонезией²⁴.

Отношения Сингапура с Малайзией также подвержены колебаниям. Однако с приходом к власти новых руководителей Абдуллы Бадави в Малайзии (2003 г.) и Ли Сянь Лунга в Сингапуре (2004 г.) связи между странами стали развиваться в более позитивном русле. «Отношения с Малайзией хорошие и становятся все лучше», - заявил министр иностранных дел Сингапура Джордж Ео²⁵. Как показала неформальная встреча на малайзийском острове Ланкави, оба руководителя пришли к пониманию того очевидного факта, что две страны исторически тесно связанные друг с другом, должны отложить в сторону груз старых проблем, прежнюю дипломатию взаимного недоверия и обвинений и выработать новую стратегию и методы взаимодействия перед лицом вызовов, которые несет с собой глобализирующийся мир²⁶. Такие проблемы как религиозный экстремизм вкупе с международным терроризмом, эпидемии атипичной пневмонии и птичьего гриппа, а главное, нарастающая конкуренция со стороны других развивающихся стран, особенно стремительный рост Китая и Индии, потребовали общих усилий и расширения двусторонних коммуникаций.

В последние годы наибольшие сдвиги наметились в развитии торгово-экономических связей. Так, в 2007 г. объем торгового оборота между Сингапуром и Малайзией составил 70% всей внутриазиатской торговли. Сингапур для Малайзии оставался крупнейшим экспортером ее товаров и поставщиком импорта, «воротами», открывающими широкий выход на мировые рынки, одним из пяти крупнейших источников поступлений прямых иностранных инвестиций в малайзийскую эко-

номику²⁷. Постепенно свое решение нашел и ряд вопросов, которые на протяжении долгого времени оставались камнем преткновения на пути установления добрососедских отношений. Свою остроту потеряла проблема поставок из Малайзии пресной воды. Сингапур минимизировал свою зависимость, успешно осуществив ряд программ по опреснению морской воды, строительству новых резервуаров для сбора дождевой воды, созданию замкнутой системы очистки сточных вод (New Water). В проекте строительство нового трубопровода с индонезийского острова Риау. Разногласия по поводу увеличения Сингапуром своей территории за счет расширения прибрежной зоны в районе Малаккского пролива были урегулированы в ходе переговоров между лидерами двух стран, которые закончились подписанием в апреле 2005 г. договора о сотрудничестве.

Свое завершение, наконец, получил длившийся 28 лет территориальный спор о принадлежности расположенного в Джохорском проливе острова Педра Бранка (по-малайски Пулау Путих). Сингапур осуществлял управление островом фактически с 1847 г., когда англичане построили здесь Хорбургский маяк. Несмотря на то, что остров находится в 40 км от города-государства и в 11,3 км от малайзийского штата Джохор, Малайзия никогда не препятствовала присутствию на острове Сингапура. Споры вокруг принадлежности Педра Бранка возникли после того, как в 1979 г. Малайзия, руководствуясь изменениями в международном морском праве, которые увеличили акваторию территориальных вод с 3 до 12 миль, опубликовала карту, на которой остров был включен в ее государственные границы²⁸. Для города-государства Сингапур этот крошечный, величиной с футбольное поле, островок тем не менее имеет экономическое и стратегическое значение, так как находится на одном из самых оживленных участков морских торговых путей из Тихого в Индийский океан, через который ежедневно проходит до 900 судов. На маяке функционирует информационный центр, передающий данные о состоянии навигации в проливе. Кроме того, Сингапур построил на острове опреснительную станцию и взлетно-посадочную площадку для вертолетов²⁹.

По согласию обеих сторон дело было передано на рассмотрение в Международный суд. 23 мая 2008 г. суд признал остров Педра Бранка территорией Республики Сингапур. Малайзия получила суверенитет над близ лежащим островом Миддл Рокс. Принадлежность третьего небольшого островка Южный Риф будет определена в зависимости от того, в чьих территориальных водах он расположен³⁰.

Однако, ряд важных нерешенных вопросов, включая, например, договор об использовании малайзийского воздушного пространства ВВС города-государства, споры вокруг находящегося на территории Сингапура участка железной дороги, который является собственностью Малайзии, а также судьба остановленного проекта строительства моста, который должен был заменить дамбу, связывающую два государства и т.д. – все это оставалось источником напряжения в сингапуро-малайзийских отношениях. И прежде всего из-за излишней политизации этих в основе своей экономических вопросов. Иными словами, переноса компонентов внутренней политики во внешнеполитическую сферу. Данный фактор во многом был обусловлен политической нестабильностью в самой Малайзии в связи с ухудшением социально-экономического положения различных слоев общества, угрозой обострения этноконфессиональных конфликтов и растущим на этой волне малайским национализмом с характерной для него антикитайской направленностью. Именно под давлением малайских националистов А. Бадави приостановил строительство моста. В намерении Сингапура увязать свое участие в этом проекте с решением вопроса об импорте песка из Малайзии и использовании ее воздушного пространства для пролета самолетов ВВС Республики они усмотрели угрозу интересам и суверенитету страны.

Показательна в этом отношении острая политическая борьба, которая развернулась в Малайзии в связи с участием Сингапура в совместном инвестиционном проекте создания на юге малайзийского штата Джохор нового регионального центра развития Искандар. С точки зрения многих аналитиков, пытавшихся взглянуть на проблему с прагматических позиций, в осуществлении плана обе страны могли бы выгодно дополнять друг друга, объединив опыт и репутацию Сингапура, участие

которого послужило бы гарантией для иностранных инвесторов, с возможностями района Искандар. Здесь уже имеется развитая инфраструктура, превосходная логистика, многочисленные трудовые ресурсы, создан благоприятный инвестиционный климат³¹. Для Малайзии – это не только создание новых рабочих мест. Успешная реализация проекта является ключевым звеном в амбициозных планах ее руководства к 2020 г. ввести страну в группу развитых государств мира³². В свою очередь, для Сингапура участие в создании центра Искандар, который находится от него на расстоянии 1 км через Джохорский пролив и по площади в 2 раза (а весь штат Джохор в 3 раза) превосходит территорию города-государства, позволило бы перенести сюда часть своих промышленных зон или создать новые производственные комплексы. В итоге, сотрудничество двух стран ускорило бы темпы развития в рамках «треугольника роста» Сингапур – Джохор – Риау (Индонезия). Но именно участие в проекте Сингапура вызвало со стороны малайских националистических кругов шквал критики в адрес А. Бадави. С их точки зрения, сделанный правительством выбор Сингапура в качестве главного партнера в осуществлении проекта ставит Малайзию в сильную зависимость от города-государства³³.

Наиболее радикальную позицию в этом вопросе занял экс-премьер Махатхир Мохамад, давний и непримиримый оппонент сингапурского руководства. По мнению Махатхира, Сингапур не очень хороший сосед. И если он так быстро согласился принять участие в строительстве центра Искандар, необходимо быть начеку. Как известно, Сингапур рассчитывает в ближайшем будущем увеличить численность своего населения с 4 до 10 млн. человек, в основном за счет иммиграции из континентального Китая. Непосредственно на территории города-государства может проживать максимум 6 млн. человек. Это дало повод Махатхиру сделать далеко идущий вывод о том, что остальные поселятся в районе Искандар, скупая здесь земли и недвижимость. И если сингапурские и малайзийские китайцы численно превысят местное малайское население, страна опять потеряет часть своей территории, как это произошло в 1819 г. с Сингапуром, предупредил экс-премьер³⁴.

Не заставил долго ждать с ответом на многочисленные заявления подобного рода и Ли Куан Ю. Бурю негодования в малайзийском парламенте и СМИ вызвал его призыв к сингапурским компаниям проявить максимум осмотрительности, решая вопрос об участии в проекте. «Одно дело, когда оппозиционная Всемалайская исламская партия (ПАС) стремится сместить премьер-министра, но когда стоящая во главе правящей коалиции Объединенная малайская национальная организация (ОМНО) действует в том же духе сингапурцы должны сто раз подумать, так ли нужны их инвестиции, учитывая всплеск националистических настроений в Малайзии», – в свою очередь, напутствовал своих соотечественников Ли Куан Ю³⁵.

Острую реакцию, которую вызвало высказывание сингапурского министра-наставника среди малайских националистов, обвинивших его в намерении внести раскол в малайзийское общество, вряд ли можно объяснить неточностью перевода в малайской прессе использованного им английского словосочетания knock down (сбить с ног), как mendjatuhkan (свергать), как о том писали сингапурские СМИ³⁶. Скорее всего он попал в болевую точку, прозрачно намекнув на открытый конфликт между А. Бадави и Махатхиром, который получил свое продолжение во внешнеполитической сфере. Непоследовательная позиция А. Бадави в решении вышеуказанных спорных вопросов в сингапуру-малайзийских отношениях не в последнюю очередь была продиктована его стремлением в борьбе с Махатхиром заручиться поддержкой сторонников защиты привилегий и политического доминирования коренных малайцев («бумипутра») в противовес экономическому превосходству китайцев³⁷.

Безусловно, как и с Индонезией, отношения Сингапура с Малайзией носят особый характер из-за исторически сложившихся недоверия и подозрительности малайцев к китайскому населению. Каждый раз, когда возникает вопрос об участии Сингапура в каком-либо малайзийском проекте, со стороны малайских националистов, поддерживающих ОМНО, раздаются раздраженные заявления о том, что Сингапур эксплуатирует Малайзию. По мнению многих аналитиков, подобная рефлексия не имеет логики. Но нельзя при этом недооценивать отрав-

ляющее воздействие националистической и религиозной пропаганды. Для малайской прессы, контролируемой ОМНО, подчеркивают они, уже на протяжении нескольких десятилетий Сингапур является «любимым мальчиком для битья»³⁸. Вероятно, в этом есть известная доля правды. Но, думается, истоки этих настроений надо искать не только в прошлом, но и в настоящем. Дело в том, что сингапурская модель развития (при всех характерных для нее недостатках) создала условия, при которых малайцы Сингапура оказались лучше образованы, имеют более высокий уровень жизни, стали более самостоятельными и уверенными в собственных силах и значительно лучше подготовлены к вызовам глобализации, чем их сородичи в Малайзии. На этом фоне политика ОМНО по сохранению привилегий малайцев «бумипутра» дала не столь позитивные результаты, так как в выигрыше оказалась лишь узкая прослойка местного населения, тесно связанная с правящей элитой³⁹. Отсюда и стремление некоторых малайских лидеров «демонизировать» образ более успешного и богатого соседа. При каких-то сложных обстоятельствах, отмечали менее предвзятые малайзийские обозреватели, в глазах малайцев-мусульман сингапурские китайцы будут большим злом, чем местные китайцы⁴⁰. Свою точку зрения по этому вопросу изложил и сингапурский патриарх Ли Куан Ю. «Главная проблема состоит в том, - сказал он, - что правящие элиты Индонезии и Малайзии считают нас маленькой страной, обязанной им своим существованием и потому хотят, чтобы мы были такими же уступчивыми и сговорчивыми, как и китайцы, проживающие в этих странах»⁴¹. И все же, несмотря на периодически возникавший накал страстей, сингапурские СМИ, подчеркивая наметившиеся позитивные сдвиги в сингапуро-малайзийских отношениях, высказывали осторожный оптимизм, что в скором времени антагонистическая риторика будет звучать анахронизмом. Стороны должны понять одно, писали их обозреватели, что в ближайшем будущем экономическое взаимодействие между двумя странами уже не будет вопросом выбора, а станет необходимостью⁴². С таким утверждением трудно не согласиться, добавив при этом, что оно в такой же мере справедливо и в отношении перспектив развития сингапуро-индонезийских связей. В свою очередь,

«китайский» Сингапур, который остается заложником своего положения как города-государства, чрезвычайно уязвимо и зависимого от импорта сырьевых товаров, должен очень осмотрительно выстраивать свои непростые отношения с мощными, но все более националистически настроенными малайскими соседями⁴³.

Проблема Мьянмы фактически с момента ее присоединения к АСЕАН в 1997 г. стала для группировки «постоянной головной болью». Массовые нарушения прав и свобод человека, преследования противников правящей хунты поставили под сомнение международную репутацию АСЕАН как эффективного регионального института, а ее политика невмешательства во внутренние дела входящих в нее стран была подвергнута жесткой критике как со стороны некоторых членов Ассоциации, так и со стороны США и Евросоюза.

В попытках найти какие-то решения «мьянманской проблемы» Сингапур выступал и выступает сторонником взвешенных подходов, учитывающих реальные возможности АСЕАН и позицию самой Мьянмы. Последняя, с точки зрения сингапурской стороны, все последние годы вела себя так, словно не являлась членом этой организации и не делала заметных усилий интегрироваться в группу. Военная хунта, похоже, использовала Ассоциацию как прикрытие, выстраивая свои собственные отношения с новыми игроками на региональном поле – Китаем и Индией⁴⁴.

Что касается группировки, то она занимала достаточно двойственную позицию в отношении одного из своих членов. С одной стороны, лидеры АСЕАН жестко предупредили мьянманские власти, что они не допустят, чтобы из-за проблем в стране тормозились бы интеграционные процессы внутри Ассоциации и создание асеановского сообщества. А с другой стороны, они ответили отказом на призыв Запада об исключении Мьянмы из своего состава, даже под угрозой срыва заключения с Вашингтоном соглашения о свободной торговле с «асеановской десяткой». Свой отказ они мотивировали тем, что у них будет больше возможностей повлиять на Мьянму, пока она остается членом «асеановской семьи»⁴⁵.

Генеральный секретарь АСЕАН, представитель Сингапура Онг Кенг Йонг, занимавший этот пост в 2007 – 2008 гг., объяснял выбор такой позиции тем, что принятие резких решений могло бы привести к внутриасеановской конфронтации. «В соответствии с традиционной политикой невмешательства во внутренние дела стран-членов АСЕАН и принятия всех решений на консенсусной основе главный упор должен быть сделан на дипломатических средствах воздействия на военную хунту», – подчеркнул он⁴⁶.

Но, скорее всего, Ассоциация не смогла занять более жесткую позицию в отношении Мьянмы из-за отсутствия среди ее членов единого мнения о путях решения «мьянманской проблемы». Так, Индонезия и Филиппины выступали за более жесткий подход к военному режиму, а новые члены группировки – Вьетнам, Лаос и Камбоджа были против таких мер, дабы не создавать прецедента. Таиланд, Малайзия и Сингапур имели в Мьянме определенные экономические интересы, которые им не хотелось бы утратить⁴⁷. Но более всего они были обеспокоены возможностью дестабилизации региональной безопасности в случае принятия радикальных мер в отношении военной хунты. «Нестабильная Мьянма – это бомба с часовым механизмом, которая способна взорвать ситуацию во всей Юго-Восточной Азии», – постоянно предупреждал министр-наставник Ли Куан Ю⁴⁸.

Учитывая такую вероятность премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лунг полагал, что любые санкции против этой страны неэффективны и нежелательны. Свою точку зрения он аргументировал тем, что, во-первых, влияние стран АСЕАН на Мьянму было незначительным, поскольку Китай, который граничит с Мьянмой и является ее главным торговым партнером и инвестором, чрезвычайно заинтересован в ее энергоресурсах, а потому не дал бы согласия на санкции; во-вторых, мьянманские власти уже изолировали себя сами, отгородившись от остального мира, и, в-третьих, от санкций, в первую очередь, пострадал бы народ, а не хунта»⁴⁹. Ли Куан Ю также не раз высказывал мнение, что у АСЕАН нет реальных рычагов давления на Мьянму. «Мы имеем дело с умственно ограниченными людьми, абсолютно уверенными в своей незаменимости и в

том, что у них хватит природных ресурсов, чтобы пережить любые санкции, а потому они могут обойтись без остального мира. К тому же у них есть Китай и есть Индия, которые хотят с ними торговать»⁵⁰.

Между тем, в самом Сингапуре широкий общественный резонанс получило решение властей отказать в продлении иммигрантских виз нескольким бирманским активистам за нарушение ими местных законов. По официальным заявлениям, они, являясь членами неформального объединения «Зарубежные бирманские патриоты», группировки, которая появилась в Сингапуре в октябре 2007 г., неоднократно принимали участие в несанкционированных уличных маршах протеста против военной хунты, которые проводила эта организация в дни работы здесь саммита АСЕАН. Отвечая на запрос одного из членов парламента не было ли решение властей принято под давлением или по просьбе мьянманского руководства, министр внутренних дел Вонг Кан Сенг подчеркнул, что единственной причиной отказа послужил тот факт, что эти бирманцы не соблюдали законы и правила общественного порядка страны, которая предоставила им возможность здесь работать и учиться⁵¹. Официальная позиция вполне объяснима с учетом того всеобъемлющего контроля над общественно-политической жизнью, который все еще существует в Сингапуре. Но столь неадекватные меры в отношении бирманских активистов, принимая во внимание нелюбимые характеристики сингапурских руководителей в адрес мьянманской хунты, свидетельствовали, очевидно, о нежелании усложнять и без того непростые отношения с Мьянмой.

Но не только противоречия и разногласия внутреннего порядка могут разрушить в целом оптимистический прогноз укрепления единства АСЕАН. Всегда существуют проблемы безопасности, глобальные экономические и политические риски, принимая во внимание усложняющиеся отношения между великими державами и другими региональными игроками. Быстрый экономический рост в Восточной и Юго-Восточной Азии, в первую очередь, возвышение Китая и Индии меняет установившийся на региональном поле стратегический баланс сил и реструктурирует двусторонние отношения Китай – США,

Китай – Япония, Китай – Индия, что может спровоцировать обострение международного положения в регионе.

В этом контексте представляет интерес определение вероятных вызовов и угроз, которые, с точки зрения сингапурских лидеров, может предъявить новая конфигурация расстановки сил в регионе. Так, премьер-министр Ли Сянь Лунг полагал, что среди негативных сценариев развития событий первый и главный – усиление соперничества между Китаем и США за доминирование в ЮВВА. Обоснованность такого предположения очевидна. С одной стороны, стремительная экономическая и политическая экспансия в регион Китая, возвышение которого Ли Сянь Лунг назвал «самым крупным событием нашего времени»⁵², а с другой – смена приоритетов в американской внешнеполитической доктрине. В отличие от предыдущего периода, когда по сравнению с Ираком все остальные проблемы были вторичны и ЮВА была отодвинута на задний план, в последнее время очевидным стало стремление Америки к восстановлению и расширению своего былого влияния в Азии. И столкновение на этой почве интересов двух держав чревато дестабилизацией ситуации в ЮВВА.

В ряду противоречий, существующих в американо-китайских отношениях и несущих потенциальную угрозу региону, Ли Сянь Лунг выделил, во-первых, торгово-экономические проблемы, связанные с возникновением между двумя странами торгового дисбаланса в пользу Китая. Если США введут протекционистские меры, это негативно скажется не только на американо-китайской торговле. Пострадают все, подчеркивал премьер⁵³, имея в виду глубокую включенность в этот процесс не только Сингапура, для которого США и Китай продолжали оставаться важнейшими внешнеэкономическими и деловыми партнерами, но и других стран-членов Ассоциации. Во-вторых, по мнению сингапурского премьера, взрывоопасной проблемой в отношениях США и КНР оставался Тайвань, который Китай всегда рассматривал как неотъемлемую часть своей территории. Положение несколько стабилизировалось, когда американская сторона дала понять, что выступает за сохранение существующего status quo и на данном этапе не поддерживает идею независимости Тайваня. События, однако, мо-

гут пойти по худшему сценарию, если Тайвань будет добиваться суверенитета, что повлечет за собой неизбежную и опасную эскалацию напряженности в американо-китайских отношениях⁵⁴. Тогда азиатские страны будут вынуждены сделать свой выбор в пользу одной из сторон, чего никому не хотелось бы делать, заключил Ли Сянь Лунг⁵⁵.

В Юго-Восточной и Восточной Азии есть и свои болевые точки. В связи с этим, анализируя ситуацию в регионе, старший министр Сингапура Го Чок Тонг, среди прочего, акцентировал внимание на перспективах развития двусторонних отношений Китай – Япония и Китай – Индия.

У Китая и Японии исторически трудные взаимоотношения, на которых тяжелый след оставили события Второй мировой войны. Однако в последние годы, с позиций китайской и японской стороны, в отношениях двух стран наступила весна. Но, как заметил по этому поводу Го Чок Тонг, поскольку еще ранняя весна и лед только начал таять, отношения между КНР и Японией лишь слегка потеплели и требуется время, чтобы направить их в новое русло⁵⁶. Следует добавить при этом, что также как Китай и США, Япония преследовала в регионе долговременные экономические, а в последнее время и все возрастающие собственные политические интересы. Наличие союзнических обязательств между Японией и США, поддержание солидарности в решении ряда важных международных вопросов не устраняло наличия противоречий между этими державами. В ЮВА, которая как раз и является одним из объектов внешней политики Китая, США и Японии, их интересы не только переплетаются, но и сталкиваются. Поэтому в Сингапуре всегда придерживались твердого убеждения, что нарушение баланса интересов между этими тремя ключевыми игроками на региональной сцене несет угрозу миру и стабильности в регионе.

Непросто развивались отношения между Китаем и Индией после короткой, но кровопролитной приграничной войны 1962 г. Правда, в последние годы руководители обеих стран демонстрировали общее стремление к установлению дружественных связей на основе равенства и взаимодействия. И пока ЮВА выигрывает от их экономического роста и заинтересо-

ванности в регионе. Министр иностранных дел государства Джордж Ео, тем не менее, высказал предположение о том, что по мере укрепления позиций двух новых гигантов, они вынуждены будут конкурировать за одно и то же пространство и ресурсы. В такой ситуации АСЕАН неизбежно будет испытывать давление с их стороны. Для Ассоциации, по мнению министра, сложность ситуации будет состоять в том, чтобы не устанавливать эксклюзивные отношения с одной или с другой страной⁵⁷.

У стран ЮВА также есть свой сложный исторический опыт отношений с Китаем. Еще не забыты его имперские устремления и отголоски той эпохи слышны и поныне. В 2007-2008 гг. зонами напряжения оставались проблемы приграничных споров Китая с некоторыми странами «асеановской десятки» (в частности, с Вьетнамом и Лаосом), противоречия по поводу раздела ряда территорий в Южно-Китайском море. В последнее время серьезную озабоченность правящих кругов стран-членов АСЕАН вызвало наращивание военной мощи Китая. Взгляд сингапурской правящей элиты на эту проблему в обобщенном виде можно представить следующим образом. Не стоит излишне преувеличивать, во-первых, масштабы и темпы модернизации армии Китая, а, во-вторых, степень ее угрозы для региональной стабильности. Такая оценка ситуации аргументировалась стремлением Китая позиционировать себя в качестве страны, стремящейся и готовой идти на компромиссы и уступки ради установления доверительных и взаимовыгодных отношений со своими соседями, в том числе и в расширении сотрудничества в военной сфере⁵⁸.

Продолжая тему возможных последствий для ЮВА широкомасштабной интеграции Китая в регион, министр-наставник Ли Куан Ю на вопрос не поглотит ли Китай страны АСЕАН экономически и политически ответил: «Только не политически. Я не думаю, что Китай будет пытаться превратить нас в вассальные государства. В многополярном мире, если на вас кто-то очень давит, вы можете начать дружить с другой стороной»⁵⁹. Под другой стороной Ли Куан Ю, думается, подразумевал США. Сингапур, для которого отношения с Китаем без преувеличения являются наиважнейшим вектором его

внешней политики, вместе с тем продолжает оставаться последовательным и убежденным сторонником сохранения и упрочения позиций США в регионе, считая их присутствие важным условием для поддержания баланса сил и стабильности в ЮВА в противовес нарастающему влиянию КНР.

С учетом множества угроз и рисков, с которыми АСЕАН может столкнуться в ближайшей перспективе, принятый Устав, хотя и является, безусловно, исторической вехой в развитии Ассоциации, не может решить все проблемы сразу. Это лишь первый шаг в эволюции организации, «долгое путешествие в будущее», по словам Ли Сянь Лунга. И АСЕАН потребуются не менее 50 лет, чтобы достичь современного уровня консолидации Евросоюза, считает министр-наставник Ли Куан Ю⁶⁰.

¹ Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. М., 2002, с.10.

² The Straits Times. Singapore. 8.08.2007

³ Ibid.

⁴ Пульс планеты//ИТАР ТАСС.20.11.2007.

⁵ The Straits Times. 08.08.2007.

⁶ Ibid.

⁷ The Straits Times. 18.11.2007.

⁸ The Straits Times. 22.11.2007.

⁹ Копылов О.В. К вопросу об экономическом сотрудничестве России и АСЕАН: реалии и возможности // Юго-Восточная Азия в 2006 г. Актуальные проблемы развития. М., 2007, с. 71.

¹⁰ The Straits Times. 18.03.2007; 4.03.2007.

¹¹ The Straits Times. 15.11.2007.

¹² The Straits Times. 04.06.2007.

¹³ The Straits Times. 30.04.2007.

¹⁴ The Straits Times. 04.06.2007.

¹⁵ The Straits Times. 30.11.2007.

¹⁶ The Straits Times. 16.11.2007.

¹⁷ The Straits Times. 17.06.2007.

¹⁸ The Straits Times. 07.06.2007.

¹⁹ The Straits Times. 16.11.2007.

²⁰ The Straits Times. 18.08.2007.

²¹ The Straits Times. 12.09.2008.

²² The Straits Times. 20.07.2007.

²³ The Straits Times. 28.07.2007.

- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ The Straits Times. 20.04.2007.
- ²⁶ The Straits Times. 10.05.2007.
- ²⁷ The Straits Times. 29.08.2007.
- ²⁸ The Southeast Asia Affairs 2008. The Singapore. 2008, с. 324.
- ²⁹ The Straits Times.06.11.2007.
- ³⁰ The Straits Times. 24.05.2008.
- ³¹ The Straits Times. 18.05.2007.
- ³² Ibid.
- ³³ The Straits Times. 20.04.2007.
- ³⁴ The Straits Times. 05.07.2007.
- ³⁵ The Straits Times. 04.07.2007.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Урляпов В.Ф. Малайзия: некоторые аспекты политического развития.// Юго-Восточная Азия в 2006 г. Актуальные проблемы развития. М., 2007, с. 441 – 443.
- ³⁸ The Straits Times. 07.07.2007.
- ³⁹ Урляпов В.Ф. Малайзия: некоторые аспекты политического развития, с. 43а.
- ⁴⁰ The Straits Times. 07.07.2007.
- ⁴¹ The Straits Times. 18.07.2007.
- ⁴² The Straits Times. 14.05.2007.
- ⁴³ The Southeast Asia Affairs 2008, с. 321.
- ⁴⁴ The Straits Times. 22.11.2007.
- ⁴⁵ The Straits Times. 23.11.2007.
- ⁴⁶ Пульс планеты. 19.11.2007, АК-10.
- ⁴⁷ The Southeast Asia Affairs 2008, с. 22.
- ⁴⁸ The Straits Times. 05.10.2007.
- ⁴⁹ The Straits Times. 22.11.2007.
- ⁵⁰ The Straits Times. 08.01.2008.
- ⁵¹ The Straits Times. 18.09.2008.
- ⁵² The Straits Times.05.05.2007.
- ⁵³ The Straits Times.02.06.2007.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ The Straits Times.23.02.2008.
- ⁵⁷ The Straits Times. 10.03.2007.
- ⁵⁸ The Straits Times.02.06.2007.
- ⁵⁹ The Straits Times. 08.01.2008.
- ⁶⁰ The Straits Times. 05.02.2007; 08.01.2008.